

УДК 811.11-112+ 811.512.37
ББК 81.2 (2Рос=Калм)

К ВОПРОСУ О ЧАСТИЦАХ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА (историко-сравнительный аспект)*

Е. В. Бембеев

Изучение служебных слов калмыцкого языка, в частности частиц, является одной из актуальных задач современного калмыцкого и, шире, монгольского языкознания. Под частицами понимается особая разновидность служебных слов, лишенных лексического значения и не являющихся членами предложения, которые выражают лишь отношение к содержанию высказывания. С помощью частиц предложению в целом или его отдельным членам могут придаваться всевозможные логико-смысловые, эмоционально-экспрессивные и коммуникативно-модальные оттенки: подтверждения, сомнения, предположения, вероятности, уверенности, вопроса, побуждения и т. д. [ГКЯ 1983: 283].

В современных монгольских языках частицы изучались такими известными учеными, как Д. Ч. Стритом [1963], Э. Вандуй [1966], Ш. Лувсанванданом [1968], Мишиг [1978], З. В. Шверниной [1980], Г. Д. Будаевой [1989], П. П. Дамбуевой [2001], Г. Ц. Пюрбеевым [1975; 1981], [1995]. В данных работах, как правило, дается семантическая классификация частиц наиболее употребительных частиц: утвердительных (*даа*, *шуу*), вопросительных (*уу*, *юу*, *вэ*), усилительных (*ч*, *л*), частиц отрицания и запрета (*гуй*, *биш*, *битгий*), однако не отражаются их функциональные и дистрибутивные особенности, причем количество семантических групп частиц и их состав у разных исследователей не совпадают. К тому же вопросы служебной лексики в калмыцком языке недостаточно исследованы в описательном, сравнительном и сопоставительном аспектах и находятся в состоянии «научно-исследовательской неопределенности». Необходим всесторонний охват материала и данных по письменным памятникам калмыцкого языка разных эпох. Именно такая широта охвата материала позволит достаточно адекватно отобразить особенности калмыцких служебных слов, тенденции их

развития на определенном этапе развития калмыцкого языка.

В настоящей статье предпринята попытка историко-сравнительного исследования частиц калмыцкого языка (кроме лично-притяжательных, лично-предикативных и возвратных частиц) с привлечением материала письменных памятников XVIII–XIX вв., в которых частицы представлены широко и разнообразно. Материалом для исследования послужили как современные тексты, так и письма калмыцких ханов и их современников, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия и «представляющие собой особую культурную ценность» [Сусеева 2002: 8; Асирова 2002; Гедеева 2004], а также памятник письменности XIX в. «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» [Сказание 1897].

Первые сведения о частицах можно найти уже в ранних монгольских грамматиках и грамматических пособиях практического характера. Автор первой грамматики калмыцкого языка А. В. Попов выделил семь частей речи калмыцкого языка¹. По его мнению, частицы как часть речи неотделимы от наречий, поэтому рассматриваются ученым с позиций именно этой части речи².

Известный монголист А. А. Бобровников в труде «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» совсем иначе классифицирует части речи, выделяя три группы —

¹ «Калмыцкие слова разделяются на семь частей речи: 1) имя, 2) местоимения, 3) глагол, 4) наречие, 5) послеречие, 6) союз и 7) междометие» [Попов 1847: 28].

² В пятой главе «О наречии» А. В. Попов отмечает, что «...наречие есть принадлежность глаголов и имени прилагательных, которых значение оно распространяет или ограничивает. Наречие показывает: время, обстоятельство, качество, способ действия или состояния и т. д., поэтому оно бывает: 1. времени, 2. места, 3. качества, 4. количества, 5. утверждения, 6. вопрошения, 7. сомнения, 8. исключения, 9. отрицания, 10. уподобления, 11. напряжения, 12. совокупности и 13. указания» [Попов 1847: 177].

* Работа выполнена по проекту: «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

имена, глаголы и частицы. А. А. Бобровников сводит все служебные слова в группу частиц, называя их *сула угэ* 'пустые слова': по его мнению, это слова, которые без контекста, т. е. сами по себе, не содержат никакого понятия, однако, если они представлены в контексте, то они изменяют значение слов или служат для выражения отношений между понятиями [Бобровников 1849: 174].

Профессор В. Л. Котвич³, исследуя живую калмыцкую речь, в работе «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» пишет, что «все слова (как коренные, так и производные) объединяются по характеру своего значения в особые группы или категории, называемые частями речи. Обыкновенно таких групп насчитывается девять, но в калмыцком языке процесс их выделения еще не закончился. Совершенно резко обособились с одной стороны имена (включая местоимения и числительные), с другой глаголы, с третьей — служебные частицы и междометия» [Котвич 1929: 81–82]. Далее В. Л. Котвич замечает, что «части речи не могут быть строго делимы на изменяемые и неизменяемые... Вообще совершенно неизменяемых слов в калмыцком языке имеется очень мало: если в каком-либо положении слово не изменится, то в другом положении оно может принять приставку соответствующую склонения или спряжению, и таким образом сделаться изменяемым. Неизменяемыми остаются только служебные частицы и междометия» [Котвич 1929: 86]. Ученый делит наречия на две группы: частицы и собственно наречия [Котвич 1929: 323–324]. В калмыцком языке В. Л. Котвич выделяет частицы отрицания (*уга*, *эсэ*, *бичэ/бичкэ*, *ши*, *бишэ/виш*, а также устаревшие формы *үлү*, *эдүй*), вопросительные частицы (*уу/үү*, *йа/й*, *вэ*), подтвердительные частицы (*лэ/лэ*, *лм/мн*, *мөн*, *мин*, *лувн*, а также устаревшую форму *кү*); частицы сомнения (*кевтэ*, *шаху*), частицы уступки (*чигн*, *чигэ*, *чн*, *ч*), а также частицы уподобления (*шиңги* / *шиң* и *мэтэ*) [Котвич 1929: 324–331].

Классификацией частей речи в калмыцком языке занимался и профессор Г. Д. Санжеев. Он выделяет следующие разряды: 1) имя предметное; 2) имя качественное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) наречие; 6) послелог; 7) глагол;

³ Здесь В. Л. Котвич придерживается структуры А. В. Попова и выделяет шесть частей речи: 1) имена (существительные и прилагательные); 2) числительные; 3) местоимения; 4) глаголы; 5) наречия (включая частицы); 6) междометия [Котвич 1929: 86].

8) частицы; 9) междометие [Санжеев 1940: 27]. К служебным частям речи он относит и частицы, классифицируя их следующим образом: частицы логического ударения *-л*; вопросительные частицы *-ий* / *-у* (*-ү*), *-б*; лично-предикативные частицы *-вдн*, *-в*, *-тн*, *-ч*; подтвердительные частицы *-мн*; усиительно-выделительная частица *чигн*; частицы отрицания *уга*, *-ш*, *биш*, *эс*, *бичкэ/бичэ* [Санжеев 1940: 82–85].

В грамматике современного калмыцкого языка выделяют шесть знаменательных частей речи (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие), а также четыре служебных части речи (послелог, частицы, союзы, междометия) и особую группу «модальных и подражательных слов» [ГКЯ 1983: 66]. Частицы в современном калмыцком языке классифицируются следующим образом: 1) лично-предикативные: *-в*, *-видн*, *-ч*, *-т*; 2) подтвердительные: *мөн*, *-мн*, *-м*, *-лм*, *юмн*, *-хн*, *-ш*, *-ус* (*-үс*); 3) усиительно-выделительные: *-л*, *чигн* и *-чн* (<*чигн*); 4) уподобительные: *-шиң*; 5) модальные: *-жэ*, *санжэ*, (*сэжэ*), *биз*, *чигн биз*, *хэ*, *хэ биз*, *хэ йир*; 6) вопросительные: *-б* (*-би*), *-в* (*-ви*), *-у* (*-ү*), *-й*, *-ий*; 7) отрицания и запрета: *эс*, *-го*, *-ш*, частица запрета *бичэ* (*бичкэ*) и слова отрицания *уга*, *биш*, выполняющие функцию отрицательных частиц. В своем большинстве эти частицы всегда следуют за словом, т. е. являются постпозиционными. Только отрицательная частица *эс* и частица запрета *бичэ* (*бичкэ*) являются препозиционными. По своему составу частицы делятся на простые (*-л*, *-жэ*, *-го*) и сложные, состоящие из двух и более частиц (*-л-м*, *-м-жэ*, *чигн биз*, *хэ йир* и т. д.). Все постпозиционные частицы подверглись сильной редукции, поэтому многие фактически срослись со словом, к которому они относятся [ГКЯ 1983: 283].

Таким образом, количество семантических групп частиц и их состав у исследователей разных лет неоднородны, причем в современном калмыцком языке их значительно больше, нежели в калмыцком языке XIX в. Безусловно, процесс грамматикализации знаменательных слов и их переход в разряд служебных на основе изменений значений слов происходит постоянно. В калмыцком, как и в других монгольских языках, это особенно заметно на примере частиц и послелогов. Между тем некоторые частицы со временем утратили семантические функции и исчезли в языке.

Частицы отрицания. Как выше было отмечено, в современном калмыцком языке выделяют следующие частицы отрицания⁴: *уга, эс, -го, -ш, -шго, биш, бичэ*: *Я, эдндчнь сэ кеһэд тус уга юмнл* ‘А для них делать добро бесполезно’ [Доржин Б., ЧХ: 63]; *Тер хургт нанд үг өгсн угалм* ‘Ведь мне на том собрании не дали слова’ [Бадмин А., УЭБ: 39].

Препозиционная частица *эс* является одной из наиболее употребительных в современном языке: *Чамаг йир ... чамас эс авдмн болхнь* ‘Ну, погоди у меня... задам тебе трепку’ [Доржин Б., ЧХ: 35].

Частица отрицания *-го* употребляется после прилагательных и многократных причастий: *Авсар байжэдго, өгсэр угардго* ‘От того, что взял, не разбогатеешь, от того, что дал, не обеднеешь’ [ХУ: 12]; *Болв харин тавн хурһн эдл болдго, тер мет өрк-бүл дотрк улс чигн эдл биш*. ‘Но как пять пальцев на руке бывают неодинаковы, точно также люди в семье неодинаковы’ [Бадмин А., АШД: 197]; *Зогсэжатн зуг, кишиго нохас* ‘Ну, погодите, несчастные собаки’ [Басңга Б., БО: 361]. Необходимо отметить, некоторые диалектные особенности употребления слов *кишиго* и *керго*: в ходе анализа были обнаружены явления прогрессивной ассимиляции частицы отрицания *-го* (*кишиго* → *кишвэ* ‘несчастный’, *керго* → *кervэ* ‘ненужный’).

Частица отрицания *-ш* употребляется с глаголами будущего времени изъявительного наклонения. Однако у формы глагола на *-х* в сочетании с данной частицей, которая, по мнению монголоведов, «образовалась от отрицания *биш*» [Цит. по ГКЯ 1983: 295], исчезает значение будущего времени и обозначает несовершенство действия в момент речи, например: *Нам үр Бораев мана келсэр болхш*. ‘Вообще товарищ Бораев не соглашается с тем, что мы говорим’ [Бадмин А., АШД: 276].

Сложносоставные частицы отрицания *-шго, -лго* представляют собой аналитические формы, которые образовывались путем трансформации аффикса будущего времени *-х* перед отрицанием *уга* (*-шго*) и слитного деепричастия *уга* [ГКЯ 1983: 255, 294]. При этом важно отметить, что значение категоричности отрицания достоверности действия в будущем сохраняется: *Дакад нам тшм олн толһа мал бас цааснд зааж бичжэ болшиго*. ‘Да к тому же в бумаге

⁴ В калмыцком языке существуют слова-отрицания *уга, биш, бичэ*, выполняющие функцию отрицательных частиц [ГКЯ 1983: 292].

(справке) нельзя указать такое большое количество скота’ [Доржин Б., ЧХ: 75]; *Уснд орх хөд тогтнжэ идлго мел гүүлдэд йовна*. «Овцы, которые должны идти на водопой, никак не пасутся спокойно, только знают бегать» [Манжин Н., КХ: 16].

Частица отрицания *биш* употребляется с причастиями и с именными частями речи: *Көдлх улст өгдг жалвин мөңг олхд кецу билэ гийһэд, би деер келчкн бээсн биший* [Доржин Б., МО: 120]. *Тегш биш садргта, — тшм һазр*. ‘Неровная с балками — такая местность’ [Бембин Т., БЦ: 7]; *Мана Манжэд көзр мөрн хойр бээхлэ, нань юмн кергтэ биш* ‘Были бы у нашего Манджи конь и карты, больше ему ничего не надо’ [Доржин Б. ЧХ: 43]; *Маниг арвн класс төгсэхд цаг иим биш билэ* ‘Когда мы заканчивали десять классов, тогда время было не такое’ [ЗТ: 192].

Препозиционная частица отрицания (слово-отрицание) *бичэ / бичкэ* стоит при повелительных формах глагола: *Пүрвәһим бичэ көндәтн, нам би көндәлһи чигн угав*. ‘Не трогайте моего Пюрвю, да и не позволю я трогать’ [Басңга Б., БО: 95]; *Намаг энд орс ик балһснд йовна гижэ санаһан бичэ зовтн*. ‘Не беспокойтесь, что я нахожусь здесь, в далеком русском городе’ [Эрнжәнэ К., НХ: 146].

Между тем в памятниках письменности калмыцкого языка имеют место такие частицы отрицания, как *үлү*⁵ и *эдүй*, которые вышли из употребления в современном языке. Так, В. Л. Котвич в своей «Грамматике...» пишет: «В старом книжном языке встречались еще два отрицания 1) *үлү*, которое употреблялось почти так же, как *эсэ* и 2) *эдүй*, которое употреблялось после причастия *а:/-ә*: в значении «еще не» и заменяло нынешнюю форму *-ад уга / эд уга* [Котвич 1929: 327]. А. В. Попов также отмечал «наречия отрицания суть *үгей* „не, нет, без“, *үлү, бусу, биши, эсэ* „не“, *өдөй* „еще не“» [Попов 1847: 188].

Как отмечает исследователь Д. А. Сусеева, «частица отрицания *үлү* в калмыцком языке еще совсем недавно была широко употребительна: на 94 письма приходится 17 случаев употребления частицы отрицания *үлү* [Сусеева 2002: 325]. Например: *Одоо энэ балһасуни хараа үзүүлкү бишиби гэжи үлү байинучи*. ‘Говорит, что

⁵ Отрицательная частица *үлү*, как было отмечено Г. Ц. Пюрбеевым, встречается в тексте эпоса «Джангар» в формах *үл* и *эл* [Пюрбеев 1993: 83].

теперь она не хочет даже показаться в этом городе. Не жди напрасно»; *Чи элчээрэн зарһу кэйэ гэжи үлү байину чи*. 'Не напрасно ли ты ждешь, что проведешь суд с посланником' [Сусеева 2002: 325]. Помимо данной формы, в письмах калмыцких ханов XVIII в. встречаются и другие частицы отрицания *эсэ, битэгэй, уга, биш* [Сусеева 2002: 325].

В языке письменного памятника XIX в. «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» были обнаружены следующие частицы отрицания: препозиционные *есе, bičigei, üli* и постпозиционные *ügei, biši, -š: zuura ükübe čigi bičigei gemšiye ge:d* 'сказал /себе/: «Если и придется умереть по дороге, не стоит раскаиваться (винить кого-либо)»' [Сказание: 55]; *Sedkil mini olon zobolongtai tölödü üliüg dutug endöi čigi bayiqu maγa:d ügei* 'Душа моя страдает, поэтому, возможно, будет что лишнее, недостающее или же ошибочное' [Сказание: 120]; *Ene ödör mörgölčün dege:d olon bolo:d zai kürtüküš* 'В этот день из-за огромного количества поклонников места не хватает' [Сказание: 113]. В памятнике встретилось употребление формы будущего времени на *-qu/-kü* с частицами отрицания *ügei, biši, -š* 'не'. Необходимо отметить, что в некоторых случаях, причем непоследовательно, перед отрицанием *ügei* форма будущего времени на *-qu/-kü* образует аналитическую форму *-ši ügei*. (ср. в совр. калм. *-шго: келишго* 'не скажет'): *Möriden ese ökülētani, ene abugsan amis bolon maliyitani ögüši ügei biden geži kelēd irebe* 'Если не вернете наших лошадей, то и мы не отдадим этих людей и скот' — так сказав, вернулись' [Сказание: 60].

Заметим, что в современном бурятском языке имеются следующие частицы отрицания *бү, үлэ* (ср. ст.-калм. *үлү*), *эһэ, угы* (*-гүй*), *үды* (*-дүй* - ср.ст.-калм. *эдүй*), *бэшэ* [ГБЯ 1962: 320]. В отличие от калмыцкого языка, частица *эһэ* (ср. калм. *эс*) встречается в бурятском языке «крайне редко, лишь в некоторых фразеологических сочетаниях с отрицанием *-гүй*» [ГБЯ 1962: 320].

Таким образом, историко-сравнительный анализ показывает, что в современном калмыцком языке частицы отрицания претерпевают значительные изменения: обнаруживается ускоренная эволюция, сводящаяся к апокопированию слогов и другим сокращениям. Например, частицы отрицания *-ш, -го* или образованию новых

форм *-шго*. Вместе с тем из употребления вышли такие частицы, как *үлү* и *эдүй/өдүй*.

Вопросительные частицы включают в себя следующие формы: *-б* (*-би*), *-в*, (*-ви*), *-у*, *-ү*, *-й*, *-ий*. Форма на *-б* (*-би*), *-в*, (*-ви*) употребляется с именными частями речи и причастными формами: *Тер цагин түрүг яахв?* 'А что говорить о трудностях того времени?' [ХПА: 195]; *Я — яһлав, яһлав... көөрк минь... Яһснчн энв?* 'О, боже... дорогой ты мой, что случилось с тобой?' [Баснга Б., БО: 501]; *Геснь хоосн, өлн көвүдт тер нэрнаад хамави?* 'Изголодавшимся ребятам, у которых пусто в желудке, до веселья ли?' [Доржин Б., МО: 51].

Вопросительные частицы сочетаются с глаголами изъявительного наклонения: *Машинчн эвдрж одву?* — *гиж Манж үкс көвүн талан ирв* 'Что, машина твоя сломалась? — спросил Манджи и быстро подошел к сыну' [ЗТ: 21]; *Бата бийнь сэн болву?* 'Выздоровел ли Бата?' [Эрнжэнэ К., ЫХ: 45]; *Сурһуль сурх дурнчн күрнү.* — *Заахлатн сурнав... — Нэ, сэн.* 'Хочешь ли учиться? — Буду учиться, если будете обучать... — Ну, хорошо' [Доржин Б., МО: 38].

Форма на *-й, -ий* употребляется как с именными частями речи, так и с глаголами: *Тана умижасн дегтр хэлэж болхий?* 'Можно ли будет посмотреть книгу, которую вы читаете?' [Доржин Б., МО: 50].

А. В. Попов о вопросительных частицах писал, что «наречия вопрошения суть *үү/ү* „ли“, поставляемое после имен, местоимений, глаголов и наречий, с которыми пишется слитно» [Попов 1847: 187]. В. Л. Котвич в своей работе также выделяет три формы: «...для выражения вопроса употребляются три приставки, сливающиеся со словом, к которому они присоединяются. 1) *уу/үү* употребляются после глаголов утвердительных формах, 2) *йа/й* ставится чаще всего после причастий, употребленных в значении изъявительного наклонения, после имен и даже наречий, 3) *бэ/вэ* (от старой формы *буй/буйу*) встречается также в значении изъявительного наклонения, после имен и наречий» [Котвич 1929: 328].

В письменных памятниках XVIII в. отмечены следующие формы: *-у, -ий, -й, -би, -бу*: *Мана шидар сайин күүн ду хадаһалуул гэжи үлү байину та*. 'Вы советуете, чтобы мы держали их у одного знатного человека вблизи от себя?' [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52]; *Кэрбэ һатулба гэм балһасу һазараан одуху бишуу* 'Если переправляться, то болезнь рас-

пространится за пределы города, не так ли?» [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 46].

В «Сказании о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» встречаются следующие формы: *-uu/-üü/-yü*: *Ta nuγuud zamdu amur sayin irebüü, oron nutug tus būridüyin šazin törö tübšin sayiqan bayinuu geži*. ‘Теген спрашивал: «Все ли в дороге пришли в добром здравии и пребывает ли в мире вера и власть каждой (пройденной вами) страны?» [Сказание: 79]; *Tenegsen qoyor küügi ken čigi keregtei-dü üzeši ügei bolqu bišiyü ge:d*. ‘Я думал: ‘На двух бродячих людей, никто ведь не посмотрит как на людей нужных’ [Сказание: 42].

Подтвердительными частицами передается подтверждение правильности высказанной мысли. В современном калмыцком языке к ним относятся: *мөн, -мн, -м, -лм, -юмн, -хн, -ш, -ус, -үс*.

Подтвердительные частицы *мөн, -мн, -м, -лм, -юмн* сочетаются с именными частями речи и причастными формами, выступающими в предложение в качестве сказуемых: *Кен юунд эңкр болна, тер түүгэн сәнэр меддг мөн*. ‘Кто что любит, то и хорошо знает’ [Инжин Л., О.к., 260]; *Нол, кедү ут болв чигн, чилгчтэ юмн. Хар санан, ямаран ик болвчн буйсод юмн* ‘Как ни длинна река, она имеет конец. Как ни велик черный замысел, он уничтожается’ [Доржин Б., МО: 145].

Подтвердительная частица *-хн* употребляется с именными частями речи и глаголами настоящего времени: *Уул нурад ун-нахн, усн өрэд гүүнэхн*. ‘Гора ведь разрушается, вода ведь течет’ [ГКЯ 1983: 287]; *Бата бидн хойр кезэнэс нааран холватахн*. ‘Ведь мы с Батой с давних пор связаны дружбой’ [Эрнжэнэ К., ШКТ: 204]

Подтвердительные частицы *-ш, -ус, -үс* сочетаются с глаголами прошедшего времени: *Эртинэ сэн өдрлэ, Жирһл ман хойриг наартн гижэ дуудлус*. ‘Тогда, в воскресный день, нас с Джиргал приглашали ведь’ [Эрнжэнэ К., ШКТ: 119]; *Одахн күртл таниг договор угаһар заржэлус* ‘Ведь до недавнего времени эксплуатировали вас без договора о найме’ [Эрнжэнэ К., ШКТ: 162]; *Бамб Федор хойр ставк оржэ одви*. ‘Бамба с Федором уехали ведь в ставку’ [ГКЯ 1983: 287].

В. Л. Котвич в своей работе пишет, что «...для подтверждения употребляются следующие частицы: 1) *-ла/-лэ* ставится после глаголов утвердительных форм, а ровно и в разных других случаях (*күрнэ — күрнэлэ; күрвэ — күрвалэ*); 2) *-лм/-м* обозначает бо-

лее сильное подтверждение, употребляется при глаголах и в других случаях (*күрнэлм*); 3) *-лмн,- мн,- м* (от местоимения *юмн* — нечто) также ставится после утвердительных форм (*болдак — болдмн*); 4) *мөн, мін* — действительно. 5) *-лувң* — и, но особенно. 6) в старых книгах для подтверждения употребляется наречие *-кү*, но оно отсутствует (*энэ — этот, энэ-кү — именно этот*)» [Котвич 1929: 328–329].

В письмах калмыцких ханов XVIII в. отмечены следующие формы подтвердительных частиц: *мөн, м, йуман, хан, ус* [Сусеева 2002: 384]. В языке памятника «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» встречаются формы на *mön/ laban/ yuuma/ yuuman*. Например: *Aruda:su yabugsan ulus, adaγaži yaba:d ene zunai dundu sarayin 10 diingge:r nayžidu kürke:r šiyide:d Gūmbum de:re:se sonosogson mön*. ‘Еще в Гумбуме мы точно слышали, что те, кто идут с севера спешат, рассчитывая прийти в Найджи около 10 числа среднего месяца лета’ [Сказание: 56]; ... *yuuman üreši ügei tanil bologsan nökdüüüd yabuna laban*. ‘Ведь идут с нами товарищи, ставшие нам друзьями, которые не позволяют пропасть этим вещам...’ [Сказание: 82].

Таким образом, в современном калмыцком языке частицы подтверждения также изменяются на фонетико-морфологическом уровне. Этот процесс обусловлен тем же самым процессом апокопирования слогов (*м < мөн*), а также слиянием двух подтвердительных частиц (*лм < л+м < лавта+ мөн*).

Модальные частицы⁶ «придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера»: колебание, недоумение, иронию, удивление, недоверие и др. В современном калмыцком языке выделяют следующие формы модальных частиц *-жэ, санжэ (сэнжэ), биз, хэ, хэ биз, хэ йир*: *Тернь чигн үнн биз*. ‘И это, может быть, правда’ [Доржин Б., ЧХ: 44]; *Намаг авхар ирсн эрлэ та биз?* ‘Может быть, вы и есть дьявол, пришедший за мной?’ [ХТ]; *Гишчд оддгмдн хэ биз*. ‘Едва ли мы пойдем в гости’ [ГКЯ 1983: 290].

Варианты *санжэ/сэнжэ* употребляется в основном в книжно-письменном языке: *Эрвң күүкн өрүн гегэнэс даву сэгхн санжэ*. ‘Девушка по имени Эрбен, оказывается,

⁶ А. В. Попов выделяет одну единственную форму модальных частиц, называя их наречием сомнения: «наречие сомнения суть *за/зэ* ‘кажется’, *буй за* ‘может быть’ употребляется после глаголов» [Попов 1847: 188].

красивее даже утренней зари' [Доржин Б., МО: 141]; *Тер туужин негиг эмтн ик-бах уга цуһар мэддг санжэ*. 'Одну из тех легенд (преданий), оказывается, знали все от мала до велика' [Доржин Б., МО: 140].

В письмах калмыцких ханов XVIII в. имеют место следующие модальные частицы: *-жэ, санжэ, -биз (-бээ), хайир* [Сусеева 2002: 384]: *Чэйичар турукту элчин илгэжи нигэдуйэ гэжи цэригни нэмэшийин цэригээ хамту гэнэй үнэн худалийн мэдэку биши бидэ. Унэй ни чи мэдэбээ*. 'Шведы послали своего посланника в Турцию с предложением объединиться, их войско вместе с немецким войском заодно, говорят. Правда или ложь это — мы не знаем. Может быть, ты знаешь правду?' [Сусеева 2002: 83].

В памятнике «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» были обнаружены модальные частицы *yir, biyiza, ži/ žige/ žigen/ žiyan, biltei, kebtei: Maniyigi uda:n ire:d ügei golo yazariyin küün ge:d qayiralagsan biyiza*. 'Возможно, снисходительно к нам относились из-за того, что мы были люди, пришедшие из далекой страны, из которой долгое время никто не приходил' [Сказание: 99]; *Zaqa yazara:su iregsen töböd tangyad ulus yir dogšin uurtai ulus žigen*. 'Тибетцы и тангуты, приходящие из приграничных районов, очень свирепые и злые люди' [Сказание: 110]. В памятнике наиболее употребительна модальная частица *ži/ žige/ žigen/ žiyan*. Вполне вероятно, это связано с тем, что данная частица восходит к древней книжной форме *aji* (<*ajiyu*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. В современном калмыцком языке ей соответствует частица *-жэ*.

В отличие от языка письменных памятников в современном калмыцком языке модальные частицы имеют более разнообразные формы как в количественном, так и функциональном аспектах, поскольку в выражении всего богатства субъективно-модальных оттенков и экспрессивных значений участвуют и утвердительные, и вопросительные, и усилительно-выделительные частицы, сочетаясь с другими частицами или же функционируя самостоятельно.

Усилительно-выделительные частицы (*-л, чигн* и *-чн / <чигн*) используются для выделения слов в словосочетаниях или предложениях: *Шорahas нигт цэргтэ гиснь үнн бээжл*. 'Оказалось и вправду, что у них несметное

войско' [Баснга Б., БО: 51]; *Ноган даарсн чигн медхи, бас нөөрнь күрхи*. 'Ноган даже не ощущает того, что она замерзла, сон тоже не идет к ней' [Эрнжэнэ К., ШКТ: 87]; *Чоньн амн идвчн улан, эс идвчн улан*. 'У волка пасть красная: ел (он) или не ел' [ХУ: 138].

В письмах калмыцких ханов XVIII в. также встречается этот разряд частиц: *-л, -чин, чигн* [Сусеева 2002: 384]: *Та чиги зангги болхона манду илгэжи байигтун*. 'И вы присылайте новости, если они будут' [Сусеева 2002: 384].

В памятнике «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» зафиксирована только одна форма *čigi: mör bolo:d amidu Zuudu kürküle: ali čigi buyan-tai yazartu örgökü keregtei*. 'Если посчастливится мне во здравии добраться до Дзу, то необходимо будет поклониться всем, какие есть, священным местам' [Сказание: 81].

Уподобительные частицы. В современном калмыцком языке выделяют только одну форму *-шң*: *Хальмг дуд... Ижлин урсхл мет хурдн, өргн теегшң*. 'Калмыцкие песни... Быстрые, как течение Волги, привольные, как широкая степь' [ХТ: 67]; *Хажудм насни турш хамдан зерглэж суусшң*. 'Как будто сидел со мною рядом всю жизнь' [ЗТ: 63]. Например, А. В. Попов включает их в состав наречий сравнения: «наречие уподобления суть: *мэту* „подобно, как“; *адали* „подобно, ровно, одинаково“» [Попов 1847: 189]. В. Л. Котвич в «Опыте...» выделяет «частицы уподобления: 1) *шинги* (сокращенная форма *шиң*) „будто, как будто, словно“. 2) *метэ* „подобно, подобный“» [Котвич 1929: 330]. В современном калмыцком языке формы на *мет* и *эдл* относят к разряду послелогов.

Таким образом, историко-сравнительный анализ показывает, что группы частиц представлены более разнообразно как в количественном, так и функциональном аспектах в современном калмыцком языке в отличие от языка письменных памятников. В современном калмыцком языке имеет место процесс конверсии знаменательных слов и переход их в разряд служебных. Частицы изменяются как на фонетико-морфологическом уровне (например, сокращение слогов *ш* < *биши*, *м* < *мөн*, слиянием частиц *лм* < *л+м* < *лавта+ мөн*), так и на лексическом уровне (переход в разряд устаревшей лексики, например частицы отрицания *үлү, эдүй*).

Источники

Бадмин А., АШД — Алтн шорад даргддо (роман). Элст, 1964. 313 с.

Бадмин А., УЭБ — Усна экн-булг (роман). Элст, 1969. 206 с.

Баснга Б., БО — Бумбин орн (наадд, келврмүд болн шүлгүд). Элст, 1981. 431 с.

Гедеева — Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 196 с.

Доржин Б., МО — Мини отг (келврмүд). Элст, 1968. 254 с.

Доржин Б., ЧХ — Чик хаалх. Роман. Негдгч дегтр. Элст, 1973. 253 с.

ЗТ — Зуркни таалар (келврмүд болн очерк). Элст, 1965. 340 с.

Инжин Л., ОК — Ольдан күүкн (роман). Элст, 1963. 319 с.

Манжин Н., КХ — Келврмүдин хураңу. Элст, 1959. 213 с.

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1.

Сказание — Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленным А. Позднеевым. СПб., 1897. 125 с.

Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического описания. Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.

ХУ — Хальмг үлгүрмүд болн ахр туульс. Элст, 1959. 284 с.

ХТ — Хальмг туульс. Негдгч хув. Элст, 1961. 220 с.

ХПА — Хальмг поэзин антолог. Элст, 1959. 341 с.

Эрнжэнэ К., ЫХ — Халан хадл (хойр ботьга роман). Элст, 1972. 662 с.

Эрнжэнэ К., ШКТ — Шүлгүд, келврмүд болн түүкс. Элст, 1964. 229 с.

Литература

Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966. 116 с.

Бембеев Е. В. К вопросу о частицах (по архивным источникам XVII века) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста, 2002. С. 153–156.

Будаева Г. Д. Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 91–100.

Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 403 с.

Вандуй Э. Сул үг // Орчин цагийн монгол хэлзүй. Улан-Батор, 1966. 224–232 дахь тал.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 332 с.

ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Улан-Удэ, 2001. 43 с.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.

Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц: Монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1968. 192 с.

Мишиг Л. Орчин үеийн монгол бичгийн хэлний дадлагын хэлзүй. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1978. 179 с.

Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.

Пюрбеев Г. Ц. О формах двойного отрицания в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1975. С. 327–334.

Пюрбеев Г. Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 225–230.

Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 156 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: в 2 тт. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.

Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического описания. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.

Шевверина З. В. Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 20–31.

УДК 81'367.7 + 811.512.3
ББК 81.2-3

**ГЛАГОЛ КАК ДОМИНАНТА В СВЕТЕ МОДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
(проблемы классификации)**

Э. У. Омакаева

Одним из наиболее заметных достижений лингвистики конца XX и начала XXI в., несомненно, является значительный прогресс синтаксиса и лексикологии, харак-

теризующийся осязательным расширением круга исследуемых проблем, новой постановкой задач и усовершенствованием методов исследования. Важным фактором, опре-